

УДК 327

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.3843

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Василькова Наталья Николаевна,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
кафедра стилистики русского языка,
кандидат филологических наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: n.vasilkova@mail.ru

Аннотация

Современный общественно-политический дискурс характеризуется использованием агональных речевых стратегий и тактик. В политическом речевом взаимодействии противники не заботятся о соблюдении правил аргументативного убеждения. Такие агональные стратегии, как самоутверждение, конструирование образа врага, дискредитация оппонента, реализующиеся с использованием речевых приемов, свойственных эристике, стали неотъемлемой частью современного политического дискурса.

Ключевые понятия:

политический дискурс, агональность, полемика, дискуссия, речевые стратегии, речевая агрессия, общественно-политическое ток-шоу.

Наблюдающееся сегодня обострение информационного противостояния в политическом пространстве выдвигает новые требования к языку публичных выступлений политических деятелей. Политику, конструирующему свой дискурс, для достижения стратегически заданного коммуникативного эффекта необходимо учитывать не только экстралингвистические факторы, отражающие динамику общественно-политического развития, но и коммуникативные характеристики языковых средств, особенности их применения и действенное сочетание в речи.

Политический дискурс представляет собой совокупность речевых действий, используемых как в монологических, так и в диалогических формах. Спецификой существования политического дискурса является интенция борьбы

за власть, включающая все фазы этого процесса: завоевание, удержание и доминирование политической власти. Именно это волевое начало характерно для всех речевых жанров политического дискурса, таких как агитационная речь, дебаты в парламенте, дискутивно-полемическое выступление, политическое интервью, пресс-конференция и т. д. Основными функциями политического дискурса являются утверждение политической власти, убеждение, интерпретация и манипуляция. К дополнительным функциям относятся: информативная, побудительная, эмотивная и эстетическая.

Современный политический дискурс характеризуется использованием агональных речевых стратегий и тактик (от греч. *Агон* – «состязание», «борьба двух идей, которые защищают соперничающие стороны, причём борьба азартная, страстная» [2]). Такие стратегии, как самоутверждение, конструирование образа врага, дискредитация оппонента, реализующиеся с использованием манипулятивных приемов и речевой агрессии, стали неотъемлемой чертой современной общественно-политической жизни. Для политического дискурса характерной чертой является не только агональность, которой пропитана вся сфера коммуникации в политике, но и наличие противоборствующих сторон, которое предопределяет диалогичность политического взаимодействия. Однако главным адресатом персуазивного воздействия являются не столько противоборствующие субъекты, сколько аудитория избирателей*.

Столкновение различных точек зрения, необходимость отстоять свою позицию определяют применение различных коммуникативных стратегий. В политическом речевом взаимодействии противники не заботятся о соблюдении правил аргументативного убеждения. Их место занимают логические и психологические манипуляции и речевые тактики, получившие название «эристических уловок» [3]. Даже самые изящные образцы общественно-политических полемик не в состоянии избежать использования этих приемов.

Например, привлекая к себе повышенное внимание общественности переписка поэта, журналиста и оппозиционного общественного деятеля Д. Быкова и официального представителя МИД М. Захаровой, выполненная в стихотворной форме с опорой на классические образцы с элегантно использованной иронией, аллюзией и стилистическими фигурами, в содержательной части реализует конфронтационные стратегии дискредитации, самозащиты и нападения. Вкратце напомним эту историю марта 2016 года. Главу МИД Сергея Лаврова и министра обороны Сергея Шойгу Д. Быков упрекнул в «дворовости», сравнивая чиновников с не слишком умелыми футболистами. Внимание поэта оказалось направлено и на официального представителя МИД Марию Захарову, которая к футболу не имеет прямого отношения, но по которой писатель прошелся в одной из рифм:

Так повернулось колесо:

Побыв гламурными для вида –

Айда во двор! Дворово всё:

Война, культура, спикер МИДа.

* Под персуазивностью вслед за многими лингвистами понимается «тип ментального речевого взаимодействия коммуникантов, при котором адресантом осуществляется попытка преимущественно вербального воздействия на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения» [1].

На это стихотворное обвинение откликнулась официальный представитель МИД Мария Захарова:

Дворовый стиль был задан вами.

«А мы? Ничем мы не блестим».

Лишь для удобства пониманья

Мы на дворежном говорим.

Кому нужны изыски Гессе?

Ведь не с кем в бисер нам играть.

Теперь для санитаров леса

Мы стали вирши сочинять.

В ответ на обвинение Д. Быкова в «дворовости» (стратегия нападения) М. Захарова отвечает выпадом, выраженным такими приемами, как использование прецедентного феномена с расширением семантического поля за счет ассоциации с известным фразеологизмом о бисере и свиньях, перифраза (санитары леса), метафоры (стаяка злобных мух), стилистически маркированной лексики (вирши) и т. д.

Интереснейшим для исследования явлением, находящимся на стыке политического и эристического дискурсов, являются популярные и рейтинговые общественно-политические ток-шоу. Политическое ток-шоу предоставляет широкие возможности для ведения так называемого «словесного боя», или эристического состязания оппонентов. Участники дискуссионно-полемиического ток-шоу, с одной стороны, являются проводниками авторского намерения, средством воздействия на аудиторию, а с другой стороны, их определяющая установка – быть субъектами речевого воздействия и регулировать деятельность своего собеседника. Дискуссии и полемики как один из жанров политического дискурса, основанный на спорах участников-оппонентов, базируется на двух определяющих компонентах: а) структурно-ролевой организации коммуникативного события; б) стратегиях и тактиках речевого поведения субъектов коммуникации. Для публичной политической речи особенно важны приемы речевой экспрессии: тропы, стилистические фигуры, прецедентные феномены, помогающие достичь максимального воздействия на аудиторию с помощью яркости, выразительности и динамичности высказывания.

Одной из самых действенных агональных стратегий является использование демагогических приемов, аргументации к пафосу и этосу: апеллирование к авторитетам, патетический призыв к высшим ценностям, переходящим из области аналитики в область веры, использование символов и образов, обладающих мощным аргументативно-коннотативным и экспрессивным потенциалом. В качестве примера приведу риторическое определение, приведенное И. Коротченко в передаче «Воскресный вечер с В. Соловьевым»: «Что такое НАТО? НАТО – это военная опухоль на теле Европы. Непрерывно расширяясь, порождая метастазы, сожрав и проглотив бывший Варшавский договор, бывшие республики советской Прибалтики, бывшие республики Югославии, почти все. НАТО уперлось в российские границы. Все! Расширения дальше нет» (И. Коротченко, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 10.07.2016). В этом высказывании оратор использовал несколько средств речевой выразительности. Для своего риторического определения он берет яркую метафору, использует фигуры объективации и перечисления, а также стилистически окрашенную лексику, что, в конечном счете, создает выразительный, но пугающий образ военной организации. Еще один пример апел-

ляции к общепризнанным ценностям встречаем в речи политика Н. Старикова: «Наш уважаемый вашингтонский гость проговорился. Это оговорка по Фрейду. Что нам обычно говорят либералы? Вы станьте такими, как США, и тогда можете творить, чего хотите. То есть, они говорят о праве сильного. *Где тут демократия, где тут свобода, где права человека?*» (Н. Стариков, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 10.07.2016). Еще один пример из ораторского выступления того же политика, который использовал сразу несколько экспрессивных стилистических средств: «То есть, будь здоровым *битюгом* и тогда можешь творить, чего хочешь, говорить, чего хочешь, диктовать всем условия. Вот истинное лицо *не американского империализма, а российского либерализма*» (Н. Стариков, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 10.07.2016). Сочетание повтора, фигуры сближения паронимов и антитезы со стилистически сниженным словом «битюг» придает высказыванию эмоциональность и разговорность.

В политических дискуссиях нередко можно наблюдать прием ухода политика от ответа на нежелательный вопрос, когда тема разговора переводится в другое русло, тем самым внимание зрителей переключается на явления действительности, не имеющие прямого отношения к разговору. Этот прием часто использует лидер КПРФ Г. А. Зюганов. Так, в передаче В. Соловьева «Поединок» (19.01.12 г.) на вопрос своего оппонента С. Кучеры «Зачем вы идете на выборы? <...> вы не боец...» он отвечает: «...вы специально в эту оранжевую кофту оделись, с оранжистами метите... Но, на счет бойца, вы мне еще в бильярд не отыгрались». Здесь использована нарушающая логический закон тактика, которая заключается в подмене темы.

В отличие от полемики, в политической дискуссии, где конфронтационный вызов относительно ограничен и приобретает более сдержанные формы, встречаются достаточно эффективные скрытые приемы речевой эристики с использованием иронии или сарказма, косвенных речевых актов, импликаций, превращающихся в агональные намеки. Так, в следующем примере, когда участник дискуссии политолог В. Карасев, не желая прямо назвать виновников происходящих событий, использует имплицитное речевое воздействие – намек: «Потому что все *хотят* власти, *не хотят* ответственности, *хотят* безответственности» (В. Карасев, «Право голоса», 16.07.2016). Выразительности и яркости этому высказыванию добавляют фигура повтора в сочетании с антитезой, выраженной однокорневыми антонимами. Еще один пример того, как обобщенная форма высказывания скрывает в себе обвинение в адрес оппонента: «Совершенно очевидно, что те, кто делает ставку на предателей, не имеют будущего *ни в современности, ни в истории, ни в будущем*» (С. Железняк, «Право голоса», 16.07.2016). С. А. Михеев, комментируя драку депутатов в парламенте Украины, использует иронию: «Да, вот это европейский парламент, ничего не скажешь. Это европейские демократические ценности, так как они трактуются на Украине» (С. Михеев, «60 минут», 23.09.2016).

Нередко в пылу ожесточенной полемики встречается крайнее проявление эристического вызова – открытая речевая агрессия с использованием оценочной лексики с негативной коннотацией, а нередко и инвективной лексики. Например: «Все хороши в словесных обвинениях. Вот официальное заявление МИДа, что США защищают ИГИЛ. Это *безобразное обвинение!* Абсолютно *безобразное обвинение!*» (М. Бом, «60 минут», 21.09.2016). Использование оценочной лексики в этом примере поддержано фигурой повтора. Еще пример агрессивного речевого

поведения с использованием просторечного оценочного фразеологизма: «Что вы *несете ахинею*? Если дискутировать, то дискутировать! Я имею в виду очень конкретные вещи. В тот момент, когда был договор о том, что Янукович уходит и все будет мирно, вы его нарушили, а Европа и Америка закрыли тогда глаза». Еще более резкое высказывание с использованием бранной лексики, обращенное уже непосредственно к оппоненту, было использовано в программе «60 минут» политологом С.А. Михеевым: «Дай хоть слово кому-то еще сказать! *Охамел* совсем *придурак* польский! Еще Достоевский писал: «Один наглый полячок». Вот это про него, про таких, как он» (С. Михеев, «60 минут», 07.11.2016).

Использование агрессивных форм речевого поведения вряд ли можно объяснить только накалом полемики и пренебрежительным отношением к нормам литературного языка. Очевидно, что создатели программ этого формата намеренно прибегают к введению в канву полемики эмоционально-оценочных выражений, находящихся за пределами этических норм и норм литературного языка. Эта агрессивная речевая стратегия с использованием скандала как приема ставит своей целью привлечение внимания аудитории, пусть даже и порицаемыми средствами. В качестве примера приведу высказывание известного журналиста В. Соловьева 13 июня в программе «Полный контакт», ведущим которой он является: «Навальный обратил своих *гонников* против людей! Ну, давайте посчитаем, сколько вывел этот *Полиграфыч мерзкий* на улицы? <...> Значит, это получается 1,9 процента. То есть вечные два процента дерьма. И вот эти два процента дерьма считают, что они здесь власть?!» Грубо просторечная лексика, жаргонизм и оценочная инвективная лексема, осложнена в этом примере антономазией с использованием прецедентного имени и ожидаемо вызвала обсуждение в обществе и интерес аудитории.

Будучи одной из форм газетно-публицистического стиля, публичная речь политиков призвана выполнять информационную и агитационно-пропагандистскую функции для воздействия на аудиторию с целью формирования общественного мнения. Между тем общественно-политическая публичная речь рассматривается и как самостоятельное функционально-стилевое образование, поскольку, с одной стороны, в ее текстах осуществляется речевое общение в условиях заданной, а потому отчасти подготовленной полилогической коммуникации, с другой, – тексты общественно-политической публичной речи рассчитаны на экспромт и окончательно создаются в процессе произнесения. Таким образом, в комбинации этих стилистических черт проявляется двойственная природа устной общественно-политической публичной речи.

Учет ситуации общения, ее общих и частных характеристик, правильное использование стилистических приемов, их выразительных возможностей могут привести к наилучшему взаимодействию оратора и аудитории, к достижению необходимых результатов. В связи с этим исследование языка политической коммуникации представляет большой лингвистический интерес, связанный с изучением языкового поведения политиков, а именно языковых средств, риторических приемов, реализующих манипулятивные стратегии, используемые в целях убеждения.

1. Логинова И. Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпрета-

ция. Понимание. Перевод: Сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. С. 240–248.

2. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. Т. 2. – М., 1969. – 641 с.

3. Шопенгауэр А. Эристика или искусство побеждать в спорах. СПб., 1900. – 70 с.

References

1. Loginova I. Yu. Persuazivnost' kak mexanizm vozdejstviya v politicheskom diskurse: programma politicheskoy partii i manifest // Interpretaciya. Ponimanie. Perevod: Sbornik nauchnyx statej. SPb.: Izd-vo SPbGUE'F, 2005. S. 240–248.

2. Losev A. F. Istoriya antichnoj e'stetiki: Sofisty. Sokrat. Platon. T. 2. – M., 1969. – 641 s.

3. Shopengau'e'r A. E'ristika ili iskusstvo pobezhdat' v sporax. SPb., 1900. – 70 s.

UDC 327

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.3843

POLITICAL DISCOURSE: COMMUNICATIVE STRATEGIES OF REGULATION

Vasilkova Natalia Nikolaevna,

Lomonosov Moscow State University,
Department of Russian Language Stylistics,
Candidate of Philology, Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: n.vasilkova@mail.ru

Annotation

Modern socio-political discourse is characterized by the use of agonal speech strategies and tactics. The political controversy is beyond the classical laws of argumentation: its goal is the assertion by any means of its position and the achievement of victory at any cost. Such agonal strategies as self-affirmation, constructing of the image of enemy, discrediting of opponent, realized with the use manipulative methods peculiar to eristica, have become an integral part of modern social and political discourse.

Key concepts:

political discourse, eristic, polemic, discussion, speech strategies, verbal aggression, socio-political talk show.
